

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:327(470+571:954)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-388-400

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТРЯД БЕРЕГА МАКЛАЯ. ЭКСПЕДИЦИЯ 1971 г. (Часть 1.)

Николай Николаевич МИКЛУХО-МАКЛАЙ¹

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
nn@mikluho-maclay.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5085-1693>

Аннотация: Из всех островных государств Океании Берегу Маклая на ове Новая Гвинея (Папуа — Новая Гвинея, PNG), его истории и этнографии, всегда уделялось особое внимание в России. Это во многом обусловлено интересом к экспедициям великого русского ученого Н.Н. Миклухо-Маклая, проводившего исследования в Новой Гвинее в 1870 е — 1880 е гг. Собранные им данные о папуасах северо-востока острова предоставили возможность зафиксировать существенные аспекты жизни человечества на одной из ранних стадий его развития. Дневники, статьи и рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая стали ценнейшим источником для последующих поколений исследователей региона. 1970 е гг. стали одной из важных вех в развитии отечественной океанистики: у советских этнографов появилась возможность провести полевые исследования на Берегу Маклая. Этнографический отряд осуществил две экспедиции — в 1971 и 1977 гг. Результаты превзошли все ожидания: был получен материал, позволяющий провести хронологический анализ социокультурных процессов на протяжении более чем столетия. Цель работы — осветить полевую деятельность советских ученых во время этих экспедиций, представить их повседневную жизнь, методы и опыт организации полевых исследований, а также проанализировать основные результаты, насколько это позволяет объем статьи. Опыт советских исследователей подтвердил важность установление доброжелательных контактов для организации эффективной научной работы. Индивидуальный опыт ученых в налаживании взаимодействия с жителями Берега Маклая и встраивании в систему их социальных связей сохраняет актуальность и для современных исследователей, и для тех, кто будет продолжать традиции изучения этого региона в будущем.

Ключевые слова: этнографический отряд, папуасы, полевая работа, экспедиции, Бонгу, Берег Маклая, Новая Гвинея, Океания, НИС «Дмитрий Менделеев», Тумаркин, Миклухо-Маклай

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н.Н. Этнографический отряд Берега Маклая. Экспедиция 1971 г. (Часть 1.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 1, № 1 (70). С. 388–400. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-388-400

Original article. Historical science

THE MACLAY COAST ETHNOGRAPHIC TEAM. EXPEDITION OF 1971 (Part 1.)

Nickolay N. MIKLOUHO-MACLAY¹

¹ Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
nn@mikluho-maclay.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5085-1693>

Abstract: Of all the island states of Oceania, of the Maclay Coast on the island of New Guinea (Papua New Guinea, PNG), its history and ethnography, has always received special attention in Russia. This is largely due to the interest in the expeditions of the great Russian scientist N.N. Miklouho-Maclay, who conducted research in New Guinea in the 1870s — 1880s. The data he collected on the Papuans of the north-east of the island provided an opportunity to record essential aspects of human life at one of the early stages of its development. Diaries, articles, and drawings by N.N. Miklouho-Maclay became a valuable source for subsequent generations of researchers in the region. The 1970s became one of the important milestones in the development of Russian ocean studies: Soviet ethnographers had the opportunity to conduct field research on the Maclay Coast. The ethnographic group carried out two expeditions, in 1971 and 1977. The results exceeded all expectations: material was obtained that allows for a chronological analysis of sociocultural processes over more than a century. Thanks to the trust of the local population, which was enjoyed by domestic researchers, and the established mutual understanding, it was possible to go beyond superficial observations and conduct an in-depth study of the traditional and new in Papuan life, including spiritual culture and lifestyle. The purpose of the paper is to highlight the field activities of Soviet scientists during these expeditions, to present their daily lives, methods and experience of organizing field research, as well as to analyze the main results, as far as the limited volume of the article allows. The experience of Soviet researchers has confirmed the importance of establishing friendly contacts for organizing effective scientific work. The individual experience of scientists in establishing interaction with the residents of the Maclay Coast and integrating them into the system of their social connections remains relevant both for modern researchers and for those who will continue the traditions of studying this region in the future.

Keywords: *ethnographic team, Papuans, field work, expeditions, Bongu, Maclay Coast, Rai Coast, New Guinea, Oceania, ship Dmitry Mendeleev, Tumarkin, Miklouho-Maclay*

For citation: Miklouho-Maclay N.N. The Maclay Coast Ethnographic Team. Expedition of 1971 (Part 1.). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 1, № 1 (70). Pp. 388–400. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-388-400

Введение

Эта работа посвящена легендарному отряду советских этнографов, которые продолжили дело Миклухо-Маклая, сохранив для потомков наследие великого исследователя Океании, давшее возможность использовать тот уникальный собранный им материал для последующих поколений. Работа посвящена сразу двум значимым событиям 2026 г.: 9 июля 2026 г. — 45-летию начала советских полевых исследований на Берегу Маклая и 17 июля 2026 г. — 180-летней годовщине со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая.

Масштаб практического материала, который хотелось бы проанализировать, достаточно значительный, поэтому публикация представлена в четырех частях.

В конце XIX — начале XX в. экспедиции русских ученых в Океанию прекратились. Но уже в середине 1920-х гг. в СССР стали выдвигаться планы по продолжению изучения народов Океании. Однако из-за политических проблем, а затем начавшейся Великой Отечественной войны, все работы в этом направлении были прекращены.

Предпосылки нового витка исследований

В Океании с начала 1960-х гг. начался процесс деколонизации: на карте южной части Тихого океана одно за другим появлялись новые государства. Советский Союз стремился расширить круг международных партнеров, используя, в том числе, развитие научных исследований как инструмент продвижения позитивного образа страны и установления новых контактов за рубежом. Перед учеными стояли научные и гуманитарно-политические задачи.

Отплытие научно-исследовательского судна (НИС) АН СССР «Дмитрий Менделеев» было запланировано на июнь 1971 г. из Владивостока. В период с января по май того же года в научных организациях, сотрудники которых должны были принять участие в экспедиции, проводилась интенсивная подготовка к этому масштабному мероприятию. Среди учреждений, задействованных в подготовке, были: Институт океанологии, Институт этнографии, Зоологический и Ботанический институт — все АН СССР, Институт антропологии МГУ, Дарвиновский музей¹.

Исторический эксперимент

Шестой рейс научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» в 1971 г. был посвящен двойной годовщине: 100-летию со дня первой высадки на северо-востоке острова Новая Гвинея.

Н.Н. Миклухо-Маклая и 125-летию со дня его рождения. Капитаном судна был М.В. Соболевский, начальником экспедиции — океанолог А.А. Аксёнов.

Экспедиция была первой морской советской экспедицией в Тихом океане, в которой принимала участие группа этнографов, антропологов и историков. Ученым гуманитарных специальностей главную работу предстояло выполнить в деревне Бонгу на Берегу Маклая, в Папуа — Новой Гвинее².

Уникальность деревни Бонгу заключается в том, что здесь сложилась своеобразная научная ситуация, которую можно рассматривать как естественный исторический эксперимент. Она позволяет провести хронологический анализ социокультурных процессов на протяжении более чем столетия. В 1871–1872, 1876–1877 и 1883 гг. в Бонгу проводил свои этнографические исследования Н.Н. Миклухо-Маклай. Ученый оставил подробное описание многих сторон культуры и быта папуасов, зафиксировав состояние традиционной общины в период, предшествующий активной колониальной экспансии и масштабным модернизационным процессам в регионе. Полученные им материалы приобрели особую научную значимость как ценнейший базовый историко-этнографический эталон для последующих наблюдений и сравнительных исследований.

Формирование отряда

Выбор руководства экспедицией оказался непростой задачей. Идеологический контроль, при котором ученые должны быть лояльны к политике коммунистической партии, и стремление государства сохранить научный потенциал внутри страны существенно осложняли выбор (у ряда ученых были ограничения на заграничные поездки). В итоге руководство было поручено двум видным специалистам — Даниилу Давидовичу Тумаркину и Николаю Александровичу Бутинову. Последний более двадцати лет занимался изучением этнографии Новой Гвинеи¹, имел опыт зарубежных поездок² и принимал участие в подготовке к изданию пятитомного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая (1950–1954 гг.). Уже были опубликованы работы Н.А. Бутинова, посвященные этногенезу папуасов и этнолингвистическим группам

¹ Н.А. Бутинов в 1970 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Папуасы Новой Гвинеи» (см.: Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй). М.: Наука, 1968. 256 с.

² Бутинов Н.А. выступал на международном конгрессе с докладом о роде на Новой Гвинее в Токио в 1968 г.

Новой Гвинеи³. Этнографический отряд экспедиции сформировался из восьми ученых: Д.Д. Тумаркин (1928–2019) (руководитель отряда), В.Н. Басилов (1937–1998), Н.А. Бутинов (1914–2000), М.В. Крюков (1932–2024), Н.М. Гиренко (1940–2004), О.М. Павловский (1936–2010), Б.Н. Путилов (1919–1997), И.М. Меликсетова. Кроме того, к отряду были прикомандированы кинодокументалисты В.Г. Рыклин (1923–1983) и А.Н. Попов⁴.

Владивосток — Бонгу

Научно-исследовательское судно покинуло Владивосток 17 июня 1971 г. и направилось в южные широты. 27 июня оно зашло в Сингапур на четыре дня, а затем взяло курс к берегам Новой Гвинеи. 8 июля «Дмитрий Менделеев» прибыл в Маданг — портовый город в непосредственной близости от Берега Маклая, где на борт поднялся в качестве «куратора» сотрудник местной администрации австралиец Крейг Саймонс. По межправительственной договоренности, достигнутой между Москвой и Канберрой, он должен был помогать советским ученым. В годы холодной войны австралийские власти опасались распространения коммунистического влияния и активности СССР, в связи с чем экспедицию нередко представляли как советскую угрозу, потенциально направленную на подрыв их позиции в регионе. По этой причине Крейг Саймонс также пристально следил за действиями ученых. Д.Д. Тумаркин вспоминает: «Скажу сразу, что участники нашей экспедиции — не только этнографы, но и географы, ботаники, зоологи и ученые других специальностей, высаживавшиеся на побережье или проводившие исследования в прибрежных водах, — старались не давать повода для подозрений, а Саймонс относился к нам в целом доброжелательно и нередко бывал полезен»⁵.

Объективно одной из главных трудностей представлялась проблема общения с папуасами. Участники экспедиции знали отдельные слова и фразы столетней давности из дневников Маклая, но никто не мог предполагать, какие изменения произошли в местном языке. Было известно, что одному из австралийских этнографов потребовалось несколько месяцев, чтобы преодолеть стену отчужденности и недоверия, окружающую его во время работы на Новой Гвинее. Советская экспедиция не располагала временем, поэтому, как писал начальник шестого экспедиционного рейса научно-исследовательского судна Академии наук СССР Андрей Аркадьевич Аксёнов, «надежды на большие научные результаты не было»⁶. 9 июля 1971 г. «Дмитрий Менделеев»

бросил якорь в заливе Астролябия, бухта Константина (совр. Мелануа) примерно в трех милях от деревни Бонгу.

О тамо, кайе!

Этнографический отряд был готов к высадке — им предстояло на шлюпках добраться до берега. Другим участникам экспедиции и членам экипажа судна запрещалось без особого разрешения посещать эту деревню, чтобы не мешать работе этнографов. Тем временем на берегу собралась толпа, — вспоминает Тумаркин: «Папуасы настороженно и хмуро смотрели на приближающуюся шлюпку. Ситуация была напряженной. Однако настроение суровых хозяев Берега Маклая заметно изменилось, когда они услышали: «О тамо, кайе! Га абатра симум!» («О люди, здравствуйте! Мы с вами братья!»). Д.Д. Тумаркин произнес эти слова, воспользовавшись бонгуанским словарем из дневников Н.Н. Миклухо-Маклая⁷. Способность некоторых членов экспедиции в определенной степени изъясняться на местном языке произвела на папуасов сильное впечатление. Примечательно, что бонгуанский язык использовали только в четырех окрестных деревнях. Светлокожие представители австралийской администрации, периодически посещавшие деревню, не владели этим языком и общались с местными на ток-писине. Поэтому для бонгуанцев было неожиданно, удивительно и приятно услышать родную речь из уст незнакомцев, к тому же прибывших издалека. Ситуация еще более усилила их впечатление и радость, когда они узнали, что прибывшие исследователи были из «тадь Маклай» («деревни Маклая»)³. Ученым не пришлось преодолевать психологический барьер при общении с местным населением — эту задачу сто лет назад успешно решил Н.Н. Миклухо-Маклай⁸.

О целях полевой работы

Миклухо-Маклай представил в своих трудах факты, воздерживаясь от всякого рода гипотез⁹. Зафиксировав для науки столь уникальный фактический материал — и сделав это без домыслов и предрассудков, — русский исследователь вписал свое имя в историю изучения доклассового общества¹⁰. Собранные им данные о бонгуанцах, отражающие наиболее существенные стороны жизни человечества на одной из ранних стадий, безусловно, стали ценным багажом для будущих исследований.

³ Так они называли страну Маклая — Россию (в бонгуанском языке нет слова «страна»).

Опираясь на его исследования, советские этнографы ставили своей задачей прежде всего заполнить хотя бы некоторые лакуны, оставленные путешественником, и дать более широкое истолкование собранному им фактическому материалу. «Нашей второй задачей, — пишет Д.Д. Тумаркин, — было выявление изменений, которые произошли в разных сторонах жизни бонгуанцев за столетие, истекшее со времени пребывания здесь Миклухо-Маклая. Кроме того, предстояло собрать воспоминания местных жителей о тамо русс и отыскать другие следы его пребывания на Берегу Маклая. Наконец, предполагалось приобрести для МАЭ⁴ экспонаты, характеризующие традиционные стороны современной культуры папуасов бонгу»¹¹.

Обосновано возникал вопрос, насколько реально осуществить все эти планы советским ученым, учитывая, что пребывание отряда в деревне Бонгу очень ограничено по времени. «Длительность пребывания в “поле” — очень важное, но не всегда решающее условие успеха полевых исследований. В этнографическом отряде было восемь квалифицированных специалистов, подготовленных для работы в Бонгу. Поэтому продолжительность пребывания там нашего отряда (четверо суток) правильнее выразить 32 человеко-днями. Если же учесть, что все члены отряда работали с раннего утра до позднего вечера, то последнюю цифру можно значительно увеличить», — пишет Тумаркин о полевой работе на Берегу Маклая¹².

Вечерние беседы

Этнографический отряд был поселен в гостевом доме на окраине деревни Бонгу, предназначенном для австралийских чиновников, которые изредка навещались в эти места¹³. Ученые имели свободу передвижения по всей деревне, а за их вещами следили местные жители. Советских исследователей глубоко впечатлил тот факт, что во время демонстрации фотокопий рисунков Миклухо-Маклая старейшина Та-ног безошибочно назвал имя Асоль, узнав папуаса на рисунке. Анатолий Николаевич Попов и Владимир Григорьевич Рыклин запечатлели этот момент на киноплёнку. Д.Д. Тумаркин обращает внимание: «Важным каналом получения информации были вечерние беседы в нашей «гостинице», неизменно затягивавшиеся до поздней ночи. В основном ее помещении установили грубо сколоченный длинный деревянный стол, а по обеим его сторонам — деревянные скамьи. Во главе стола на табурете обычно сидел Саймонс (как представитель власти), по правую

⁴ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

его руку — ученые во главе с начальником отряда, по левую — *тамо боро*¹⁴ во главе со старостой деревни Каму. По указанию Саймонса, за стол усаживали также пастора-папуаса по имени Абудзь и учителя миссионерской начальной школы Кони Хомате (присланного из другого района Новой Гвинеи). Сам миссионер Дик Хейтер отсутствовал (уехал на несколько дней в Маданг — возможно, не случайно). Застольные беседы сопровождались обильным угощением. Мы пробовали папуасскую еду (преимущественно сырые и запеченные овощи и фрукты), бонгуанцы охотно и с аппетитом поглощали в большом количестве пищу, ежевечерне доставляемую катером с «Дмитрия Менделеева». На корабле неуклонно соблюдалось правило: выбрасывать за борт всю недоеденную за день пищу, приготовленную на камбузе. Капитан М.В. Соболевский распорядился доставлять нам эти припасы: ведро борща, большие кастрюли с котлетами, макароны по-флотски и т. д. Привезенные кушанья мы разогревали на очаге: металлическую посуду ставили на три камня, между которыми разводили огонь. Узнав, что эта пища пользуется огромным успехом у бонгуанцев, капитан приказал поварам увеличить ее производство с учетом новых едоков, в том числе выпекать дополнительно несколько буханок белого хлеба, который особенно нравился папуасам. Всё привезенное доедали без остатка, так как Каму передавал то, что не смогли «умять» тамо боро, другим мужчинам и мальчикам, собиравшимся возле нашей «гостиницы». Еду запивали чаем, который тоже нравился папуасам. Кроме того, уже на следующую вечер мы приготовили и начали наливать всем желающим «рашн виски» — разбавленный водой «технический» спирт (очень высокого качества), настоящий на местных плодах. И хотя пили его маленькими порциями из чашечек (*гамба*), сделанных из скорлупы кокосового ореха, напиток заметно оживлял беседу и помогал получать более откровенные ответы. Саймонс, который внимательно прислушивался к нашим вопросам и иногда помогал переводить их на пиджин (ток-писн), не возражал против такой вольности и сам охотно пил эту настойку. В папуасском обществе традиционно велика роль совместной еды. В языке бонгу даже есть специальный термин *нгама* — «братство по еде». От Кони Хомате я узнал, что незадолго до нашего посещения Бонгу в этом районе собирал лингвистические материалы австралийский ученый П. Макларен. Он поселился в протестантской миссии, расположенной на холме в километре от Бонгу. Кони сказал: «Он жил отдельно от нас, не ел вместе с нами, а потому мы не рассказывали ему того, что рассказываем вам»¹⁵.

Соплеменники Миклухо-Маклая

В ходе интервью, проведенного в 2018 г.¹⁶ в Москве, руководитель этнографического отряда Д.Д. Тумаркин сообщил автору, что он распределил ученых по закрепленному исследовательскому направлению, где каждый отвечал за сбор данных. При этом участники экспедиции параллельно отслеживали смежные темы, обеспечивая тем самым надежную поддержку коллегам. Хотя полное раскрытие всех аспектов жизни бонгуанцев, в том числе таких сложных, как религиозные верования, выходили за рамки возможностей данного исследования из-за ограниченности по времени, его результаты позволили осветить ряд ключевых вопросов и наметить перспективные направления для будущих наблюдений. Каждый вечер проводилась планерка, где подводились итоги прошедшего дня и продумывалась работа на завтра.

Николай Михайлович Гиренко⁵ осуществлял сбор этнолингвистического материала вместе с Н.А. Бутиновым, который рекомендовал его для включения в состав экспедиции как специалиста, прекрасно владеющего английским и легко осваивающего новые языки.

И.М. Меликсетова и Д.Д. Тумаркин знакомились с работой Совета местного управления залива Астролябия и начальной школы, расположенной неподалеку от Бонгу¹⁷. Выяснилось, что Совет осуществляет работу под контролем австралийской администрации, при этом местные жители самостоятельно выбирали его главу¹⁸.

О.М. Павловский вместе с И.М. Меликсетовой с согласия местных жителей разместились на центральной площади деревни Бонгу для проведения антропологических исследований. Они делали стандартизированную фотофиксацию портретов для сравнительного анализа с материалами Н.Н. Миклухо-Маклая, а также осуществляли сбор образцов волос для биохимического и генетического анализа. По сравнению с условиями работы нашего соотечественника в этих местах в XIX в., когда проводить так запросто измерения ему не удавалось¹⁹, советские ученые находились в выигрышном положении, и именно благодаря ему, — они вызывали доверие у бонгуанцев как «соплеменники» Миклухо-Маклая. Жители деревни, в том числе молодые девушки, охотно участвовали в процедурах, и даже в некоторых случаях пытались пройти измерение еще раз, чтобы сделать повторную фотографию на пленочный фотоаппарат. Людей было много: в Бонгу проживали и

⁵ Сотрудник Отдела Африки Ленинградского отделения Института этнографии, имел опыт работы в течение двух лет в качестве переводчика в Танзании, владел английским и суахили.

выходцы из деревни Горенду, вынужденно покинувшие ее из-за устройства на их территории плантаций копры. Этнографы собрали значительный материал, а результаты исследования были опубликованы Олегом Михайловичем вскоре после возвращения в Москву²⁰.

Папуасский фольклор

Изучением фольклора занимался Борис Николаевич Путилов. Сведения о бонгуанском песенном фольклоре, рассыпанные в работах Н.Н. Миклухо-Маклая, будучи собранные воедино, оказались весьма ценными для советских ученых и составили основу, на которой проводились исследования²¹. Б.Н. Путилов, наладив контакт с бонгуанцами, записал более сорока песен²² и выявил их четкую функциональность — песни можно трактовать как жанровые или видовые. Он предположил, что именно по функциональной принадлежности песни получают свои названия. В Бонгу им зафиксировано лишь одно такое название — *аран*, объединяющее понятие «причитание», «похоронная песня» и «обычай оплакивания». Остальные песни (за исключением детских) функционально делятся на группы: ритуально-церемониальные, инициационные, похоронные, военные, трудовые, связанные с обычаями²³. Функционирование папуасского фольклора довольно строго ограничено исторически сложившимся комплексом представлений о роли песни в жизни бонгуанцев.

Универсальность функционирования песенного фольклора у папуасов не выявлена. Например, трудно представить поющими мужчин или женщин, возвращающихся с огородов. Здесь не принято петь «просто так». Путилов пришел к выводу, что изучение папуасских песен требует этнографически-фольклорного подхода. Важно понять ее функциональные связи, раскрыть ее производственно-магические, ритуально-обрядовые, мифологические, традиционно-бытовые отношения, выявить контекстное значение и символику. Такой подход, предложенный Борисом Николаевичем, позволяет осмыслить новогвинейский фольклор и традиции Берега Маклая как систему, где художественное начало связано с внехудожественными функциями²⁴. Вместе с тем, отмечает Путилов, остаются неисследованными другие жанрообразующие признаки папуасского фольклора — структурные, тематические, образные и музыкальные: целенаправленное исследование этих аспектов еще стоит провести²⁵.

Сопоставляя данные, собранные экспедицией 1971 г., с материалами Миклухо-Маклая, можно сделать вывод, что бонгуанский песенный фольклор не претерпел коренных изменений за последние сто лет.

Изменения носили эволюционный характер — без качественных переломов и перерывов постепенности²⁶. Было бы методологически некорректно приписывать бонгуанцам исключительно утилитарный подход к песенному творчеству. Этнографические наблюдения свидетельствуют, что представители сообщества воспринимают песню не только как функциональное явление, но и как эстетический феномен: они осознают ее художественную ценность и используют для выражения эмоционального состояния. Иллюстрацией данной закономерности свидетельствует случай, зафиксированный в ходе полевых исследований в Бонгу. Это случай лирической ситуативности исполнения. Группа девушек исполнила песню с многократным повторением рефрена «пупу йо, пуп йо» («дует ветер»). В ходе интервью информанты пояснили: по вечерам они выходят к морю, наблюдают, как ветер колышет траву, шевелит верхушки деревьев и играет на поверхности воды, — и в этот момент поют данную песню²⁷. Этот пример наглядно демонстрирует лирическую ситуативность исполнения. Песня возникает не как часть формального ритуала, а как спонтанный эмоциональный отклик на природную среду. Она выполняет эстетическую функцию и служит средством художественной интерпретации окружающего мира, подчеркивая единение с природой и общность исполнителей с их природной средой, формируя эмоциональную связь внутри группы²⁸.

Таким образом, можно утверждать, что песенное творчество бонгуанцев сочетает утилитарные, эстетические и эмоционально-коммуникативные аспекты. Согласно гипотезе Путилова, фольклор бонгуанцев, представший перед исследователями как единая цельная система, отличается от музыкально-песенного фольклора других регионов Океании того времени²⁹.

Заключение

Экспедиция 1971 г. не просто возобновила полевые исследования в регионе, но и позволила получить уникальный эмпирический материал, который открыл возможность для хронологического анализа социокультурных процессов на протяжении столетия. Сопоставление данных Миклухо-Маклая с состоянием культуры папуасов на момент советских исследований дало возможность проследить динамику изменений в традиционном обществе, углубить понимание взаимодействия традиционного и нового в духовной культуре и жизненном укладе местного населения. Ключевым фактором успеха советских этнографов стала совокупность объективных и субъективных условий: добрая память о Миклухо-Маклае среди местного населения облегчила

установление первичных контактов, а профессиональный опыт ученых в выстраивании доверительных отношений и встраивании в систему социальных связей позволили выйти за рамки поверхностных наблюдений и провести глубокое этнографическое исследование. Это подтвердило важнейший методологический принцип этнографии: эффективная научная работа невозможна без доброжелательных и уважительных контактов с изучаемым сообществом, погружения в культурный контекст и учета местных норм взаимодействия.

Полученные результаты и накопленный опыт сохраняют высокую актуальность для современной науки, они представляют ценность не только для исследователей, работающих в Океании, но и для развития этнографических методов в целом — как наглядный пример успешной реализации принципа включенного наблюдения. Наследие советских ученых на Берегу Маклая служит важным ориентиром для будущих поколений исследователей, продолжающих изучение этого уникального региона, и подчеркивает значимость долговременной научной традиции в понимании социокультурной динамики обществ Океании. Объем практического материала весьма значителен, в связи с чем публикация структурирована в виде четырех частей. Во второй, третьей и четвертой части работы автор поэтапно продолжит представлять анализ деятельности ученых на Берегу Маклая в 1970-е гг., рассматривая ее в широком историческом контексте.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра ЮВА Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия; президент Ассоциации исследователей Южно-Тихоокеанского региона; директор Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 09.05.2026;
одобрена после рецензирования 17.05.2026;
принята к публикации 30.05.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nickolay N. MIKLOUHO-MACLAY, PhD (Hist.), research fellow at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania of the IOS RAS, Moscow, Russia; President of the Association of the South Pacific Researchers; Director of the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, Saint-Petersburg, Russia

The article was submitted 09.05.2026;
approved 17.05.2026;
accepted to publication 30.05.2026.

¹ Подробнее см.: Кузнецов О.А., Алейник Д.Л. Научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» и его экспедиции 1969–1993 гг. М.: ГЕОС, 2002. 396 с.

² Плахова М.Л., Алексеев Б.В. Океания далекая и близкая. Путевой дневник художников / Ввод. ст. и ред. Д.Д. Тумаркина. М.: Наука; ГРВЛ, 1981. 256 с.

³ Butinov N.A. Community in New Guinea // XI Pacific Science Congress. M., 1966; Butinov N.A. Clan in New Guinea. Moscow: [б. и.], 1968.

- ⁴ См.: Тумаркин Д.Д. По островам Океании (этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») // Советская этнография. 1972. № 2. С. 120–128.
- ⁵ Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!» (о полевой работе на Берегу Маклая) // Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН / Отв. ред. и сост. И.А. Аржанцева, М.Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 6.
- ⁶ Плахова М.Л., Алексеев Б.В. Указ. соч. С. 157.
- ⁷ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. Отв. ред. Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Миклухо-Маклай мл. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020. Т. 3. С. 133–143.
- ⁸ Интервью Д.Д. Тумаркина // Человек с Луны: док. фильм / Реж. Н.Н. Миклухо-Маклай мл. Фонд им. Миклухо-Маклая. 2019. (время воспроизведения 90:39:51) См.: 00:41:15. — URL: <https://mikluho-maclay.org/films/chelovek-s-luny-90-min/> (дата обращения: 21.04.2026).
- ⁹ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. 2020. Т. 3. С. 67.
- ¹⁰ См. подробнее: Бутинов Н.А. Н.Н. Миклухо-Маклай на Берегу Маклая // На Берегу Маклая. Этнографические очерки / Отв. рыед. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 16–18.
- ¹¹ Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!»... 2015. С. 10.
- ¹² Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!» ... 2015. С. 11.
- ¹³ Плахова М.Л., Алексеев Б.В. Указ. соч. С. 146.
- ¹⁴ Тамо боро — «большие люди» (перевод с бонгуанского языка).
- ¹⁵ Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!»... 2015. С. 14.
- ¹⁶ См.: Интервью Д.Д. Тумаркина // Человек с Луны...
- ¹⁷ Тумаркин Д.Д. В Совете местного управления залива Астролябия // На Берегу Маклая. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 283–302.
- ¹⁸ См. подробнее: Меликсетова И.М. Встреча с Океанией 70-х годов. М.: Наука, 1976. 144 с.
- ¹⁹ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. 2020. Т. 1. С. 122, 438.
- ²⁰ Подробнее см.: Павловский О.П. Личное знакомство с Океанией // Вопросы антропологии. 1972. Вып. 42. С. 185–192; Павловский О.П. Бонгуанцы. Антропологический очерк // На Берегу Маклая. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1975. С. 61–86; Павловский О.П. Сто лет спустя. Очерк антропологии папуасов Берега Маклая // Наука и жизнь. 1973. № 8. С. 118–122.
- ²¹ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 5 т. / Под ред. С. П. Толстова и др. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1954. Т. III, ч. 1: Статьи по антропологии и этнографии. М. — Л., 1951. С. 110; Т. I: Дневники путешествий: 1870–1872. М. — Л., 1950. С. 286.
- ²² Путилов Б.Н. Проблемы изучения песенно-музыкального фольклора Борега Маклая // Советская этнография. 1976. № 2. С. 79.
- ²³ Путилов Б.Н. Песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев // На Берегу Маклая. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 227–257.
- ²⁴ Подробнее см.: Путилов Б.Н. Песни Южных морей. М.: Наука, 1978. 183 с.
- ²⁵ Путилов Б.Н. Проблемы изучения песенно-музыкального фольклора... С. 85.
- ²⁶ Подробнее см.: Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980. 383 с.
- ²⁷ Путилов Б.Н. Песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев. С. 227–257.
- ²⁸ Подробнее см.: Путилов Б.Н. Песенно-музыкальные коллекции МАЭ с островов Океании // Культура народов Австралии и Океании (Сборник МАЭ. Т. XXX). Л.: Наука, 1974. С. 27–50; Путилов Б.Н. Песни Южных морей. Глава VII: Океания — Песня-71. С. 150–154.
- ²⁹ Путилов Б.Н. Проблемы изучения песенно-музыкального фольклора... С. 78.